

Искажённая доктрина Монро по версии Трампа

Профессор Джеффри Сакс обсуждает, может ли обновлённая доктрина Монро стать антиимпериалистической инициативой, признающей сферы безопасности, или же она может способствовать американскому империализму и проводиться без согласия с другими великими державами. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennadiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennadiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennadiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами профессор Джеффри Сакс, и мы обсудим новую Монро-доктрину Соединённых Штатов. Большое спасибо, что присоединились к нам из Ватикана — если я не ошибаюсь? — Ну, из Рима, да, именно так. Итак, в этой новой стратегии национальной безопасности, о которой сейчас все говорят, Соединённые Штаты вновь утверждают Монро-доктрину — не скрытно, не с эвфемизмами или завуалированными формулировками. Напротив, это сказано вполне прямо; она упоминается снова и снова. В начале документа говорится: «После лет пренебрежения Соединённые Штаты вновь утвердят и будут применять Монро-доктрину, чтобы восстановить американское превосходство в Западном полушарии». Теперь, как экономический историк, как вы оцениваете роль Монро-доктрины с точки зрения её различных интерпретаций и того, как администрация Трампа использует её?

#Jeffrey Sachs

Очень хорошо, потому что суть в том, что это не восстановление доктрины Монро — это её полное искажение, и она многократно менялась на протяжении истории. Первоначальная доктрина Монро была направлена на прекращение европейского колониализма в Америке, но теперь её воспринимают как оправдание гегемонии США и откровенного запугивания в регионе. Поэтому, когда Трамп заявляет о некоем следствии доктрины Монро, он на самом деле говорит не о самой доктрине Монро, а о её «трамповской» версии, которая полностью отличается от оригинала. Доктрина Монро была провозглашена в 1823 году. Это было седьмое ежегодное послание президента Джеймса Монро Конгрессу, и доктрина составляла лишь одну часть этого послания. Сама доктрина Монро включала три основных принципа.

Это было в начале 1820-х годов, после того как страны Латинской Америки обрели независимость вслед за Наполеоновскими войнами. Они восстали против европейских империй, и теперь в Центральной и Южной Америке существовали независимые государства. Соединённые Штаты заявили, во-первых, что эпоха европейского колониализма в Америке подошла к концу. Это не означало конец всех европейских колоний — некоторые из них, в конце концов, существуют и поныне, например, в Карибском регионе или даже в Южной Америке. Но суть заключалась в том, что новых колоний больше не будет. Второй принцип заключался в том, что Европа не должна вмешиваться в дела американских государств. То есть это была идея невмешательства — не только конец колониализму, но и конец европейского вмешательства. Помните, это была эпоха расцвета европейского империализма.

И Соединённые Штаты, тогда ещё новая и относительно слабая страна, заявляли, что европейские империи не должны вмешиваться во внутренние дела недавно обретших независимость стран, отделившихся от Европы. Была и третья часть, почти никогда не упоминаемая, но очень важная, в которой говорилось, что, кстати, Соединённые Штаты не будут вмешиваться в дела Европы. Таким образом, с самого начала доктрина Монро была доктриной взаимности. Об этом почти никогда не говорят. Соединённые Штаты с самого начала заявили: «Вы не трогаете нас, мы не трогаем вас». Однако на практике это никогда не применялось — по крайней мере, с тех пор, как Соединённые Штаты стали великой державой. В международных делах XX века эта доктрина применялась так: «Вы нас не трогаете, а мы будем вмешиваться, как сочтём нужным». Большое спасибо.

Таким образом, принцип взаимности был очень важен в 1823 году, но затем от него отказались. Можно увидеть, что в 1823 году доктрина Монро не была доктриной, утверждающей привилегии США в Америке, право США на вмешательство или что-то подобное. Это было послание Европе: прекратите колониализм, прекратите вмешиваться во внутренние дела Америки, а мы, Соединённые Штаты, не будем вмешиваться во внутренние дела Европы. В XIX веке к доктрине Монро обращались неоднократно — например, когда Наполеон III попытался установить императора в Мексике, и Соединённые Штаты заявили, что европейские имперские державы не могут вмешиваться в дела Америки.

Начиная с конца XIX века, США завершили своё завоевание Северной Америки, что стало главным империалистическим расширением Соединённых Штатов в XIX веке — континентальным расширением. Но когда континент оказался под контролем США, их международные действия приобрели империалистический характер. Уже в середине 1890-х годов президент Гровер Кливленд сослался на доктрину Монро, чтобы помешать Британии навязать территориальные изменения между Венесуэлой и Британской Гвианой. Это был пример того, как Соединённые Штаты начали выдвигать больше претензий — заявляя: «Мы будем решать эти вопросы», а не европейские державы. Ведь Британия тогда, в 1895 году, была главной мировой державой. Но затем, в 1905 году, наш настоящий империалистический президент Теодор Рузвельт сформулировал дополнение — и это было чрезвычайно важно.

У этого есть и предыстория. Королларий Рузвельта, сформулированный в 1904 году, утверждал, что США берут на себя полицейские функции в Западном полушарии — Соединённые Штаты должны поддерживать порядок в этом регионе. Это сильно отличалось от доктрины, принятой восемьдесят лет назад. Она больше не была просто обращением к Европе; это было утверждение американской силы в странах Америки, заявление о том, что США будут «полицейским» региона. У этого есть и любопытное происхождение. Венесуэла допустила дефолт по своим внешним долгам в первые годы XX века — примерно в 1902 году, если не ошибаюсь, — и Британия направила военные корабли, пример так называемой «дипломатии канонерок», в гавань Каракаса и начала обстрел города, требуя возобновления выплат по долгам.

Таким образом, коррелярий Рузвельта был частично направлен на то, чтобы положить конец «дипломатии канонерок», проводимой Британией и другими европейскими державами-кредиторами. Но он не просто говорил: «Прекратите это». Он утверждал: «Мы будем выполнять роль полицейских». После провозглашения коррелярия Рузвельта США неоднократно вмешивались военными средствами в дела Карибского бассейна и Центральной Америки — высаживая войска на Кубе, в Никарагуа, Гаити или Доминиканской Республике — там, где считали это уместным в соответствии с принципом, введённым Рузвельтом. Ситуация изменилась к лучшему в 1934 году, когда к власти пришёл Франклин Рузвельт и заявил: «Хорошо, мы прекращаем собственную дипломатию канонерок. Мы прекращаем наши интервенции с участием морской пехоты».

У нас будет политика добрососедства. И это произошло потому, что Латинская Америка кипела от всех военных интервенций США. После Второй мировой войны, что очень важно, был принят континентальный договор — Устав Организации американских государств — в Боготе в 1948 году. И в этом уставе, кажется, в статье 19, содержится очень важный пункт о невмешательстве, в котором говорится, что в Америке существует коллективная безопасность и ни одна страна не будет вмешиваться военными или политическими средствами во внутренние дела другой страны. Как мило и интересно — и как это отличается от того, что утверждается сейчас.

И вот это, наконец, подводит нас к Трампу. Хотя, прежде чем перейти к Трампу, стоит упомянуть: когда Советский Союз в 1962 году разместил наступательное ядерное оружие на Кубе — после Кубинской революции и после того, как Соединённые Штаты попытались вторгнуться на Кубу и свергнуть Кастро в заливе Свиней в 1961 году — США тогда сослались на доктрину Монро и неоднократно делали это впоследствии, заявляя, что внешние державы не должны вмешиваться в дела Америк, что, собственно, и было исходным смыслом этой доктрины. Но это подводит нас к Трампу, потому что Трамп — это своего рода «корректировка Рузвельта на стероидах». Это утверждение, что США — не просто полицейский, а гегемон, хозяин. Мы не только поддерживаем порядок, не только взрываем рыболовные суда, если считаем, что они перевозят наркотики...

Мы не только будем захватывать нефтяные танкеры, когда нам вздумается, как это сделали Соединённые Штаты пару дней назад, но и заявляем о своём праве указывать остальным странам Америки, с кем им можно вести дела, а с кем нельзя. Речь идёт не просто о том, что другим странам нельзя вмешиваться во внутренние дела — им даже нельзя заниматься экономической деятельностью. Им нельзя торговать, нельзя инвестировать, если Соединённые Штаты решат, что так должно быть. Таким образом, следствие политики Трампа таково: мы — хозяева, мы — гегемон. Мы будем делать то, что захотим. Мы скажем другим странам: «Вы будете заключать контракты с американскими компаниями, на эксклюзивной основе. Вы не будете иметь дел с Китаем. Вы не будете допускать внешнего влияния на так называемые стратегические активы».

Что это такое? То, что мы считаем стратегическими активами. Мы скажем вам, кто будет инвестировать в нашем полушарии, а кто — нет. И вы это примете — американский порядок. Это совершенно поразительно. Так что всё это к тому, Гленн, извини за многословие, но это полное преобразование того, что Джеймс Монро изложил Конгрессу США в 1823 году: Европа должна прекратить колониализм, прекратить вмешательство и держаться в стороне — и мы поступим так же по отношению к Европе. Теперь же это претензия на американский колониализм, на право запугивания в Америке, а всем остальным — держаться подальше. Это не следствие, это совершенно иное утверждение, и весьма возмутительное.

#Glenn

Я рад, что ты изложил и положительные, и отрицательные стороны, потому что здесь действительно трудно найти баланс. Доктрина Монро была антиимпериалистической в том смысле, что она стремилась не допустить европейские колониальные державы в Америку. Но при её применении легко превратить её в инструмент империалистической политики, способствуя американскому империализму. Так как же найти этот баланс — требовать, чтобы другие не вмешивались, но при этом не претендовать на господство? Ведь именно это мы часто видим на границах великих держав. Мы с тобой уже говорили о том, что то же самое относится и к Украине.

То есть западные страны не должны были — ну, они же подорвали правительство. Они не должны были вмешиваться военным образом. Однако это не дает России права доминировать там. Так как же найти баланс в этой ситуации? И кроме того, это должно происходить на основе взаимности — то есть через соглашения с другими, — потому что очень трудно убедить другие великие державы в том, что мы будем оставаться у ваших границ, а вы не можете быть у наших. Как бы это можно было реализовать на практике, если бы вы сели за стол переговоров с этими мировыми лидерами и пришли к соглашению о чем-то вроде цивилизованной доктрины Монро, если можно так выразиться?

#Jeffrey Sachs

Доктрина Монро на самом деле содержит два весьма привлекательных элемента. Один из них — антиимпериализм: не вмешивайтесь во внутренние дела других стран. Это было раннее заявление такого принципа, но теперь он закреплён в Уставе ООН. Идея о том, что государства суверенны и что другие не должны вмешиваться в их внутренние политические дела, — очень хорошая. Просто Соединённые Штаты не признают её на практике, поскольку внешняя политика США обычно основана на операциях по смене режимов. Среди всех стран мира именно США на самом деле не ведут дипломатию в обычном смысле — в духе «у нас есть разногласия, давайте договоримся», особенно когда речь идёт о правительстве, которое Вашингтон считает достаточно слабым, чтобы просто его обойти.

Там говорится: «Мы изменим вас. Мы свергнем вас». И, конечно, таких операций по смене режима было, вероятно, около сотни. Мне нравится ссылаться на замечательную книгу Линдси О'Рурк *Covert Regime Change* («Тайная смена режима»). Она была аспиранткой Джона Миршаймера и провела выдающееся исследование всех операций США по смене режима в период с 1947 по 1989 год. Она перечислила шестьдесят четыре тайные операции по смене режима — «тайные» в том смысле, что США пытались свергнуть правительство, а затем лгали об этом, отрицали своё участие. Так вот, именно этому в первую очередь противостоит доктрина Монро — и это делает её весьма привлекательной. Во-вторых, как мы оба упомянули, доктрина Монро является взаимной, что, опять же, полностью забыто.

Соединённые Штаты ясно заявляют: «Мы не будем вмешиваться в дела Европы». И это, по сути, восходит к прощальному обращению Джорджа Вашингтона, где он предостерегает от вовлечения в европейские дела — от того, чтобы Соединённые Штаты не становились участниками бесконечных европейских войн. Таким образом, здесь есть две привлекательные идеи: невмешательство и взаимность как основные нормы. Я считаю, что их можно встроить в легитимную систему сегодня — ту, о которой мы говорили и которую я называю «сферами безопасности». Под «сферами безопасности» я имею в виду нечто вроде переосмысления доктрины Монро, сформулированное немного иначе. Это означает, что великие державы — а под этим я подразумеваю крупные ядерные державы, способные проецировать силу за пределы своих границ: Соединённые Штаты, Европу, Россию, Китай и Индию — должны уважать приграничные зоны других великих держав, чтобы не провоцировать то, что может перерасти в ядерную войну. Это была бы одна из составляющих.

Это похоже на доктрину Монро. Она утверждает, что Россия или Китай не должны вмешиваться в дела Америк, но и Соединённые Штаты не должны вмешиваться в ближнее окружение России — Украину — или в дела Китая, Тайвань. И это было бы взаимно. Но я бы связал это с политикой добрососедства Франклина Рузвельта, которая действительно сработала и имеет большое значение. Это ещё одна причина, по которой я считаю Франклина Рузвельта величайшим американским президентом. Когда он пришёл к власти, он сказал: «Мы

прекратим эти военные интервенции Соединённых Штатов в Америке». И он это сделал. Его видение заключалось в том, что мы будем гораздо более защищены, если обеспечим коллективную безопасность в нашем регионе.

Итак, идея сферы безопасности — это договорённость между великими державами, согласно которой они заявляют: «Мы не будем пересекать красные линии других великих держав», чтобы избежать глобального конфликта — нечто, что Соединённые Штаты ранее откровенно нарушили, продвигая расширение НАТО на Украину и Грузию. Но политика добрососедства утверждает, что это не даёт России права управлять Украиной или Грузией, ровно так же, как это не даёт Соединённым Штатам права управлять Мексикой или свергать правительство Венесуэлы, чем Трамп сейчас и пытается заняться.

Итак, вот два принципа, которых я хотел бы придерживаться: невмешательство великих держав в соседние регионы других великих держав, чтобы мы не взорвали мир, — но при этом нужно сказать великим державам: вы не хулиганы. У вас нет права на военное вмешательство. У вас нет права делать то, что Трамп делает сейчас в Венесуэле, а именно сознательно дестабилизировать страну с целью свержения правительства. Этого не должно происходить. Это противоречит Уставу ООН и, на мой взгляд, противоречит интересам безопасности США. Да, мы можем делать многое, но приводит ли это к хорошим результатам? Нет.

Когда вы обращаетесь к выводам из замечательного исследования Линдси О'Рурк, становится ясно, что операции по смене режима, как правило, оборачиваются катастрофами. Да, возможно, правительство свергнуто — но что происходит дальше? Обычно — гражданская война, беспорядки, массовая миграция, экономический коллапс. Иными словами, это не создаёт стабильность; напротив, это порождает нестабильность, которая может перерасти в новый региональный или даже глобальный беспорядок. Поэтому идея вмешательства, свержения правительств, провозглашения себя — по «трамповской» логике — хулиганом полушария не отвечает интересам самой Америки, не говоря уже об интересах стран, ставших мишенью.

#Glenn

Мне, впрочем, нравится сама идея возвращения к формату великих держав. Это может принимать и негативную форму, если считать, что великие державы делят мир между собой. Но в более благожелательном варианте, если великие державы объединяются — не для того, чтобы выделить зоны исключительного влияния, а чтобы признать необходимость не вмешиваться в дела друг друга и согласовывать интересы, — тогда, по сути, если удаётся выстроить крупные элементы, мелкие потом проще организовать. Сообщалось, что администрация Трампа хотела бы создать нечто вроде альтернативы G7, поскольку G7 больше не включает все основные экономики. Поэтому появилась ссылка на так называемую «основную пятёрку»: США, Япония, Китай, Россия и Индия. Европа — возможно, неожиданно — в этот список не входит. Но идея заключается в том, чтобы эти пять стран нашли какую-то

формулу сотрудничества. Как вы думаете, может ли это, так сказать, сделать доктрину Монро более цивилизованной и благожелательной?

#Jeffrey Sachs

Во-первых, это интересно. Я думаю, что существует очень важное различие между военной сферой и экономикой, и я предпочитаю держать их достаточно отдельно. Но сейчас происходит обратное. Нынешняя точка зрения состоит в том, что всё в экономике связано с военной сферой, и поэтому торговля рушится, потому что, так сказать, всё имеет двойное назначение. Это означает: «О, эта технология может оказаться в каком-нибудь оружии — значит, мы не можем торговать, значит, у нас не может быть цепочек поставок, значит, мы должны разрушить международную торговлю, финансовую и инвестиционную систему». Это большая ошибка. Это своего рода параноидальная ошибка, и она ставит генералов во главе экономики. Нет, спасибо. Это неправильный способ смотреть на вещи.

Я действительно считаю, что согласие между великими державами жизненно важно — из-за ядерного оружия, из-за того, что вооружения крайне опасны, из-за того, что мы сейчас переходим к автономным системам вооружений, космическому оружию, кибервойне и новой технологической войне цифровой эпохи: роям дронов и всему остальному. Поэтому вероятность конфронтации между великими державами чрезвычайно высока. И воинственные настроения в нашей журналистике, например на Западе, просто шокируют. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала несколько дней назад статью редакционного совета о подготовке к будущим войнам — что поражает, отвратительно и ошеломляет своим акцентом на готовности к войне, а не на дипломатии. Поэтому я хотел бы, чтобы четыре или пять великих держав сели за стол переговоров и выработали эти сферы безопасности — чтобы понять друг друга, перестать мешать друг другу, перестать провоцировать конфликт между США и Китаем, перестать провоцировать конфликт между США и Россией. В этом суть.

Когда речь заходит об экономике, прежде всего, я гораздо меньше убеждён в том, что эти пять действительно являются правильными пятью, или что существует какой-то исключительный порядок в экономике, потому что экономика должна быть просто взаимовыгодным процессом, способствующим экономическому развитию, а не игрой нескольких крупных экономик. В этом смысле у нас есть многосторонний экономический порядок, который формировался десятилетиями. Всемирная торговая организация — пример этого. Всемирная организация интеллектуальной собственности — пример этого. Международный союз электросвязи — часть этого. ИАТА для гражданской авиации — тоже часть этого. Иными словами, это международные нормы международного экономического поведения.

И у нас есть G20, которую Трамп сейчас пытается разрушить, потому что он не хочет видеть за столом Индонезию, Бразилию, Южную Африку, Турцию и других — хотя это очень значимые страны с сотнями миллионов жителей. Трамп говорит: «Нет, нет, я выберу другой список», и

этот список в основном исключаящий. Для экономики нет причин для такого исключения. На самом деле это очень опасно. Наша главная цель должна заключаться в коллективном процветании. Мы должны радоваться тому, что G20 включила Африканский союз и его 1,5 миллиарда человек — государства-члены АС — в процесс G20. Однако то, что произошло недавно на саммите G20 в Йоханнесбурге, — Трамп его бойкотировал.

Он — фанатик. Он — расист. Его база такая — именно к ней он и апеллирует. Поэтому он говорит: «Я не поеду в эти места». Это своего рода расизм, грубый, на самом деле, и это движущая сила, по крайней мере, в воображении Трампа. Не буду говорить за других людей. Люди могут поддерживать его и быть далеки от всего этого. Но для Трампа это действительно убеждение. И когда он говорит: «Нет, я приглашу эту группу к столу, чтобы обсудить экономику», — я нахожу это не только неубедительным, но и преднамеренным и раздражающим. Он исключает 1,5 миллиарда человек Африки, исключает 700 миллионов человек Юго-Восточной Азии в одиннадцати странах АСЕАН, исключает сотни миллионов людей Латинской Америки. Нет, спасибо.

#Glenn

Ну, нет, это отличное замечание. И я думаю, что во многих из этих стран — Индонезии, Турции, даже Бразилии — идея о том, что они просто второстепенные игроки, или что такую огромную страну следует подчинить доктрине Монро, как будто это исключительная зона влияния США, довольно... ну, с учётом нового распределения сил, это нерационально. И, как мне кажется, в многополярном мире мы увидим, как многие страны среднего размера получают гораздо большую политическую автономию. Позвольте — ещё один очень короткий вопрос. Новая доктрина Монро Трампа, похоже, занимает чёткую позицию в отношении того, что Китаю и России не место в Западном полушарии. Судя по документу, какую роль, по вашему мнению, Китаю и России будет, в кавычках, «разрешено» играть в Западном полушарии в рамках того, как Трамп видит новую доктрину Монро?

#Jeffrey Sachs

Очевидно, да. Трамп прекрасно понимает, что делает, исключая Китай, в частности, из Западного полушария в отношении его роли в инфраструктуре, инвестициях, бизнес-операциях, добыче полезных ископаемых и так далее. Идея заключается в следующем: мы управляем, контролируем, вымогаем и экспроприируем в Западном полушарии — никто другой. Это вполне ясно, потому что речь идёт не только о вмешательстве во внутренние политические дела или военные вопросы; речь идёт о так называемых стратегических активах, а также о контрактах и инфраструктуре. Мы уже видели это на примере Панамского канала, где Трамп заявил: «Вы не можете иметь гонконгский международный бизнес, работающий в зоне Панамского канала». Вы шутите? Hutchison? Это давно существующая гонконгско-британская компания. Её владелец, если я не ошибаюсь, имеет канадское гражданство.

И вдруг Трамп заявляет, что обычная деятельность портовых служб гонконгской компании недопустима. Идея состоит в том, чтобы вытеснить Китай из этого бизнеса, чтобы Соединённые Штаты могли заняться всей эксплуатацией сами. Это нереально. Я считаю, что это абсолютно бредово и высокомерно. Если бы они действительно пошли на это, это стало бы катастрофой для экономик Америки, потому что сейчас Китай — их главный торговый партнёр. Но это попытка не допустить Китай — не допустить в инфраструктуру, в портовые услуги, в железные дороги и другие сферы. Это не стратегическое проникновение Китая. Это не милитаризация. Это экономика. Это торговля. Мы должны разделять торговлю, военные и ядерные вопросы. Если мы этого не сделаем, мы разрушим экономику вместе со своей паранойей. А этого мы как раз и хотим избежать.

#Glenn

Большое спасибо, что нашли время так рано — в пятницу, конечно. Я знаю, что в Риме сегодня важный день, так что большое вам спасибо.

#Jeffrey Sachs

Отлично. Рад быть с вами. Большое спасибо, Гленн.